

Проблема границ в отношениях сосредельных государств Центральной Азии

*Ананко И. А., студ. III к. БГУ,
науч. рук. проф. Чесновский М. Э., д-р ист. наук*

После денонсации в 1991 г. договора об образовании СССР в регионе Центральной Азии (ЦАР) возник ряд новых независимых государств. Эти страны различны по территории и населению, охватывают огромную протяженную зону сухого климата, в которой с постоянной нехваткой воды проживают около 70 млн чел. [1, с. 125]. В результате национально-территориального размежевания региона, проведенного большевиками в 20-е–30-е гг. XX в., границы государств ЦАР получились искусственными и вплоть до наших дней плохо прижились. Национальные границы «разрезали» ранее интегрированные регионы (Ферганская долина, т. е. историческое Кокандское ханство; Хорезм, т. е. Хивинское ханство; русскоязычные северные районы Казахстана и прилегающие области России; присырдарьинские районы Узбекистана и Казахстана и др.). А некоторые этнокультурно различающиеся и недружественные между собой районы оказались искусственно соединенными (южный и северный Казахстан и Кыргызстан, северный и южный Таджикистан, разные племена Туркменистана, амальгама из Бухары, Хивы и Коканда, образовавшая Узбекистан).

Пока границы функционировали как межреспубликанские внутри Советского Союза, это не создавало особых проблем. Позже в ЦАР (например, в Ферганской долине) образовался ряд нежизнеспособных анклавов и эксклавов. Узбекистан стремился разрешить для себя данную проблему путем односторонней демаркации границ с соседями, затем — путем закрытия, укрепления и даже минирования этих границ. Однако тем самым возникли проблемы для соседей. Так, Кыргызстан оказался практически разрезан на две слабо связанные друг с другом части [2; 158–159].

Между странами региона идут перманентные переговоры, среди прочего, выдвигаются предложения о паритетном обмене территориями с целью воссоединения этнических анклавов с их «родными» национальными государствами. В крайне разнородных этнически районах на данном этапе прогресса достичь не удастся [3; 25].

Отрицательно сказалось на глобальном и региональном уровнях усиление роли новых и нетрадиционных акторов, а именно, действий международных террористических и криминальных сетей в современной Центральной Азии. Полиэтничность этой территории, высокая плотность населения при явной нехватке плодородных земель, бедность, неспособность руководящих кругов трех центральноазиатских государств (Кыргызстана, Таджикистана, Узбекистана) решить сложные межэтнические и территориальные вопросы,

и масса других проблем — все это сформировало благоприятную почву для распространения здесь экстремистских идей и возникновения радикальных движений [3; 24–25]. Вторжение группировки исламского движения Узбекистана в Баткенский район Кыргызстана в 1999 и 2000 гг. с территории Таджикистана было воспринято как настоящая война. Для разрешения ситуации пришлось задействовать силы и средства союзников Бишкека по Договору о коллективной безопасности (ОДКБ) [2; 161].

Приграничные споры вызывают отдельные углеводородные месторождения, оказавшиеся в «серой зоне», не определенной международным правом. Предметом разногласий является национальная принадлежность ряда ключевых с точки зрения энергоресурсов частей Каспийского моря. Наиболее существенный конфликт такого рода — спор Туркменистана и Азербайджана по поводу владения нефтегазовыми структурами «контракта века» на Каспии. Не менее сложная ситуация складывается в тех случаях, когда месторождения оказываются по обеим сторонам сухопутных границ (газовые месторождения в пограничной зоне Туркменистана и Узбекистана).

Другим объектом спорности является советская трубопроводная система. Газопроводная система «Средняя Азия–Центр» проходит по территории Узбекистана, а газ в нее закачивает Туркменистан. Имели место случаи, когда последний бесплатно забирал туркменский газ зимой, а возвращал летом, когда он меньше востребован [2; 159].

Обеспечение водными ресурсами жизненно значимо для социально-экономического развития стран ЦАР. Плохо определенные государственные границы разделили на «национальные» отрезки трансграничные реки. Сложность их межгосударственного согласования создает значительные проблемы в сельском хозяйстве, экологии и энергетике. Узбекистан и Казахстан заинтересованы в использовании воды в ирригационном режиме, а Кыргызстан и Таджикистан — в гидроэнергетическом. Соответственно идет постоянная борьба вокруг сроков сброса вод в плотинах. Нижележащие страны (особенно Узбекистан) препятствуют строительству новых гидроэлектростанций в вышележащих, обосновывая это необходимостью обеспечения водного баланса региона [2; 159–160].

Таким образом, наличие большого блока неразрешенных этнокультурных, экономических, экологических вопросов, взаимоисключающих межгосударственных подходов и взглядов, неготовность и нежелание правящих элит идти на компромисс в урегулировании проблем границ — все это ведет к сохранению в ЦАР перманентной напряженности и нестабильности. Что, в свою очередь, привлекает в регион разнообразные внешние силы, интересы которых нередко идут вразрез с целесообразными путями разрешения проблем здешних сопредельных стран и создают еще большую геополитическую неопределенность в ЦАР.

Литература

1. Антонович, И. И. Постсоветское пространство в поиске геополитической самоидентификации / И. И. Антонович // Постсоветское пространство в мировом порядке XXI века: приоритеты, особенности, будущее : мат. Междунар. науч.-практ. конф., Минск, окт. 2010 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол. : А. Н. Данилов (гл. ред.), В. Ф. Гигин, С. Г. Мусиенко. — Минск : Медиафакт, 2011. — С. 27–37.
2. Внешнеполитический процесс. Сравнительный анализ : учеб. пособие для студентов вузов / Т. А. Алексеева, А. А. Казанцев. — М. : Аспект Пресс, 2012. — 223 с.
3. Нагойбаева, Э. Центральная Азия: частности без будущего / Э. Нагойбаева // Перспективы и проекты сотрудничества в Евразии : сб. статей. — Вильнюс, 2012. — С. 21–30.

Первые «Великие дебаты» между идеалистами и реалистами и их значение для развития теории международных отношений

*Белько Д. В., студ. II к. БГУ,
науч. рук. проф. Фрольцов В. В., д-р ист. наук*

Первые «Великие дебаты» о теории международных отношений состоялись между идеалистами и реалистами в 1930-е — начале 1940-х гг. Они были обусловлены как событиями межвоенного периода: появлением нацистской Германии и отсутствием единого мнения в США по поводу того, как с ней действовать, Второй итало-эфиопской войной, событиями в Маньчжурии, неудачами Лиги Наций, Мюнхенским соглашением 1938 г., так и публикацией в 1939 г. Э. Х. Карром книги «Двадцать лет кризиса: 1919–1939», в которой идеализм был охарактеризован как «несостоятельный», «пустой и невыносимый обман».

Представители этой научной школы были движимы желанием разработать набор институтов, процедур и практик, которые могли бы искоренить или, по крайней мере, контролировать «войну» в международной системе. Они хотели избежать повторения ужасов Первой мировой войны и искренне верили в то, что должен существовать лучший способ организации международных отношений. Наиболее заметный и исторически важный аспект их программы был связан с Четырнадцатью пунктами В. Вильсона для нового послевоенного порядка, которые были обнародованы 8 января 1918 г. с целью формирования более мирной и стабильной системы международных отношений. В контексте такого подхода идеалисты предложили создать академическую дисциплину, нацеленную на изучение сущности и принципов